

АНДРЕЙ БЕРЛОГОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФЕДИ КОЗЮКИНА НА РОДНОЙ ПЛАНЕТЕ

Андрей Берлогов
Приключения Феди
Козюкина на родной планете

<https://litres.ru/74264232>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это вторая книга о приключениях космического путешественника, борца за справедливость и защитника слабых Феди Козюкина. Впрочем, на этот раз все приключения происходят не в космосе, а на Земле.

Иллюстрации к этой книге созданы автором с помощью нейросети ChatGPT. При этом сохранены внешность персонажей и стиль иллюстраций первой книги, изданной в 2006 году, когда о нейросетях ещё не знали даже фантасты.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	38
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Берлогов Приключения Феди Козюкина на родной планете

Глава 1 Неприятный синдром

– Эх, тоска!.. Тоска! Тоска! Тоска!..

Так думал Федя Козюкин, сидя за письменным столом у себя в комнате и глядя ничего не видящим взором в окно.

Странно. Мы читали книгу о приключениях Феди Козюкина на Ленивой планете и прекрасно помним, что Федя – волевой, выдержанный мальчик, спортсмен, космический путешественник, который не так давно спас инопланетную цивилизацию от... Ну, не будем сейчас рассказывать, от кого он её спас. Об этом и так всем известно.

Так вот, пристало ли подобному герою предаваться тоске и унынию? Возможно ли такое?

Выходит, возможно...

Эту необъяснимую тоску Федя впервые почувствовал пару недель назад. Жизнь словно потеряла краски, запахи и

вкус. Федя перестал не только радоваться, но даже огорчаться. Раньше, получив пятёрку или посмотрев интересный фильм, он бы наверняка обрадовался. Получив тройку или проиграв турнир по каратэ – огорчился бы. Сейчас ему стало всё равно. Жизненные события теперь происходили как будто не с ним, а с посторонним человеком, на которого Феде наплевать. В сердце поселились уныние и безразличие.

На днях Федя рассказал о своей беде лучшему другу Лёхе. Тот, даже не дослушав до конца, заявил:

– Синдром афганца.

Весомо так заявил, авторитетно, без тени сомнения. Федя сразу поверил: да, это синдром афганца.

– А что это? – спросил он.

– Депрессия, – пояснил Лёха. Но не обычная, такая, которая бывает, например, если схватишь семь двоек подряд, а особенная. Появляется такая депрессия после возвращения солдата с войны домой, в мирную жизнь. Через какое-то время он чувствует, что ему не хватает опасностей, риска, адреналина. Обычная жизнь его не устраивает. Скучно. Многие наши солдаты, вернувшиеся с войны в Афганистане, чувствовали себя именно так. А в США это называется «синдром вьетнамца» – в честь войны во Вьетнаме.

– А причём тут я? – удивился Федя.

– Ты вернулся из опасного космического путешествия. У тебя там была целая куча приключений. Ты спасал инопланетную цивилизацию, командовал армией. Вот и заскучал.

– И что мне теперь делать? Умирать с тоски?

– Не знаю, не знаю, – задумался Лёха. – Это тяжёлая болезнь. Многие не выдерживают, начинают пить. Некоторые сходят с ума... даже... – Лёха не договорил – что «даже». – Ладно, не будем о грустном, – прервал он сам себя.

В общем Лёха не смог толком посоветовать, как бороться с синдромом. А ведь он признанный знаток всего чего ни попадя. Он круглый отличник. Федя, кстати, с этого учебного года тоже стал отличником. Но не круглым – перебивается с четвёрки на пятёрку. А вот Лёха – круглый. Но при этом, заметьте, не ботаник. За это его в классе заслуженно уважают. Лёхина голова – склад самых разных знаний. Его можно спросить о чём угодно и всегда получить ответ – скорей всего, правильный.

Кстати, Лёха – единственный, кому Федя поведал о своём путешествии. Показал ему ленивки, которые совершенно случайно нашупал в кармане брюк аж через месяц после возвращения с Ленивой. Они не увеличились вместе с Федей и были размером примерно с песчинку.

Однако в данном случае единственное, что смог посоветовать Лёха – заняться каким-нибудь экстремальным видом спорта – чтобы отвлечься. Например, скейтбордом, которым увлекался сам.

Федя заниматься скейтбордом не хотел. Хватит с него каратэ, бросать которое он не собирался.

В общем, проблема была известна, а как с ней бороться –

нет. И от этого Федя чувствовал себя ещё хуже...

Федя часто вспоминал о путешествии на Ленивую планету. Наверное, в глубине души он и сам понимал, в чём причина его тоски. С момента возвращения из космоса прошло полгода, но почему-то именно в последние пару недель он особенно часто грустил по друзьям, оставшимся за тысячи километров от него. Он ругал себя за то, что не оставил себе космолёт и дезинтегратор. И в то же время его томило смутное предчувствие. Иногда казалось, что он сходит с ума. Несколько раз Федя ощущал на себе чей-то взгляд. А недавно ночью боковым зрением видел какое-то движение в коридоре – словно мышь метнулась за ящик для обуви.

«Уж не Генконсул ли?» – подумал Федя, но тут же отмёл эту мысль. Не рискнёт этот вредный ленивый вареник оставаться в его квартире.

А временами Феде казалось, что его космическое приключение было всего лишь сном. Очень уж неправдоподобно всё выглядело. И никаких вещественных доказательств, кроме Ордена и ленивок, которые невозможно толком разглядеть даже под здоровенной лупой.

Иногда Федя ходил в чебуречную. Конечно, чебуреки он там не ел (с тех пор он их вообще не ест). Стоя у входной двери, закрывал глаза и тотчас словно оказывался на лесной поляне среди испытанных друзей.

Запахи очень активизируют память. Бывает, почувствуешь знакомый запах, и тут же в памяти всплывёт что-ни-

будь такое из глубокого детства, о чём уже не вспоминал сто лет. Буквально в прошлую пятницу после школы Федя минут десять стоял в чебуречной с блаженной улыбкой на лице, наслаждаясь ожившими воспоминаниями. К нему подошёл знакомый шестиклассник, и, отвесив нехилый щелбан по макушке, весело спросил: «Ты чё, чувак, с психушки сбежал?».

Федя с сожалением вернулся из ярких воспоминаний в тусклую действительность, что-то буркнул в ответ и выскочил на улицу. Вдохнув полной грудью не слишком свежий воздух Земли, он подумал, что, если так будет продолжаться, он действительно может попасть в психушку.

Глава 2

Понедельник, тринадцатое

Понедельник, 13 мая, как и положено такому дню, не задался с самого утра.

Перед уходом в школу Федя получил нагоняй от мамы за то, что не доел сырники. Получил абсолютно заслуженно. Ведь прекрасно знает, как следует вести себя в таких случаях. Достаточно сказать: «Мамочка, сегодня сырники – просто объеденье. Но я что-то наелся. Оставлю один на вечер. После школы обязательно доем». И всё. Вопрос решён. И доедать ничего не нужно. На обед и на ужин приготовлена совсем другая еда. Да и сырники действительно были хороши – с кучей изюма, со сгущёнкой, которая медленной тяжёлой струёй стекала с высоко поднятой над тарелкой ложки... Нет-нет, стоп! Не будем сейчас останавливаться на сырниках со сгущёнкой. Все, кто их любит, и так прекрасно знают, как это вкусно. А тех, кто их не любит (таких тоже немало), мы здесь всё равно не переубедим... Вернёмся к нашему герою, который поленился сказать маме приятные слова. Просто встал из-за стола и ушёл одеваться. А ведь мама проснулась раньше всех, старалась-готовила, пока любимый сыночек нежился в постели. Конечно, обиделась и накричала. Её можно понять.

В школе тоже неприятности. Очередная стычка с Герой-второгодником.

В классе Гера появился в этом учебном году. Из предыдущей школы его, похоже, выгнали. Этого никто точно не знает, так как Гера в своём классе почти не общается, а на переменах крутится среди старшеклассников. Его брат – ученик седьмого-В. Тоже пришёл в эту школу в сентябре. Такой же туповатый. Скорей всего, тоже второгодник. Но точно не известно.

Гера крупный, толстый и наглый. На уроках часто сидит в наушниках – слушает музыку на последней парте слева от парты Феди и Лёхи. Учителя его не трогают. Они даже рады, что он сидит тихо, поскольку в противном случае он начинает шуметь, отпускать реплики – в общем, мешает вести урок. И почему-то ему всё сходит с рук. Почему-то Гера точно знает, что его не выгонят из этой школы, и позволяет себе даже хамить учительнице.

В один из первых дней сентября Гера нарочно столкнулся с Федей в дверях так, что тот отлетел в сторону. Федя, понятное дело, не испугался и, в свою очередь, пихнул толстого новичка. Гера в драку не полез, а только процедил сквозь зубы: «Что, крутой? Ну-ну»...

В этот же день на большой перемене к Феде во дворе подошёл брат Геры с двумя одноклассниками и предупредил, что за Геру уши оторвёт. Феде ничего не оставалось, как только принять сказанное к сведению.

После этого явных конфликтов с Герой не было. Этот парень открыто не задибался, но постоянно действовал на нервы: то скажет при всех какую-нибудь колкость, то на перемене пройдёт мимо парты так, что на пол слетит учебник и тетрадь. Вроде не нарочно, даже извинится. Но извинится так, что сразу ясно – издевается. А все вокруг смеются. За такое не полезешь в драку. Из-за чего тут драться? – мелочь, шутка – всем весело. Но настроение испорчено. А дешёвый авторитет Геры при этом возрастает. Особенно среди девчонок... Федя и Лёха давно хотели проучить Геру, но пока не придумали как...

Вот и сегодня, когда Федя отвечал на уроке русского языка, Гера мешал ему – паясничал, перебивал, вызывая смешки одноклассников. Почему-то многие принимали Герину наглость за смелость и считали, что этим нужно восхищаться...

Дальнейшие события лишь подтвердили сомнительную репутацию 13-го числа.

Ещё не успев войти в квартиру после школы, Федя услышал истошный лай Пушкина. Что-то перевернулось в сердце мальчика. Так радостно, удивлённо и в то же время требовательно пёс мог лаять только на чебуреков. Неужели?..

Не разуваясь, Федя вбежал в гостиную. Пушкин даже не

обернулся. Ни на секунду не переставая лаять, он высоко подскакивал и бросался передними лапами на балконную дверь. Прямо с ума сходил.

Федя, не раздумывая, открыл балкон... И зря. Лучше бы сначала подумал.

Первое, что бросилось в глаза – летающая тарелка в дальнем углу балкона. Почти такая же, как те, на которых чебуреки улетали из Ленивого Королевства к себе на Родину, только более новой модели. На её борту красовалась надпись «Смелый-2». Внутри, за открытой дверью, похоже, было пусто.

Пока Федя, сам не свой от радости, осматривался на балконе, Пушкин проскользнул у него между ног и метнулся к космолёту.

Слишком поздно вспомнил Федя, какую страшную опасность для чебуреков представляет собой его домашний питомец. Поэтому, когда он с криком: «Фу! Стоять! Назад!» схватил Пушкина за шерсть на загривке, тот уже успел просунуть нос в щель между летающей тарелкой и стенкой балкона.

Федя оттащил визжащего и брыкающегося Пушкина от космолёта. Но не успел он поставить пса на лапы, как тут же полетел лицом вниз прямо навстречу твёрдым кафельным плиткам.

Всё вокруг замелькало, и Федя ненадолго потерял ориентацию. Лёгкая тошнота, подкатившая к горлу, что-то напо-

нила. Именно такое неприятное чувство было в тот момент, когда его впервые уменьшил Генконсул с помощью дезинтегратора.

– Этого ещё не хватало! – с досадой подумал Федя. И оказался прав. Он действительно уменьшился!.. Но руку, сжимающую собачью шерсть, Федя не разжал и теперь свисал, болтая ногами, с Пушкиновой спины...

Федя почти сразу пришёл в себя. Подтянувшись на руках, он перекинул ногу через широкую мускулистую спину и оказался у Пушкина на загривке.

Когда-то Федя видел по телевизору родео. Американские ковбои в кожаных штанах и широкополых шляпах пытаются как можно дольше продержаться на специально обученных и доведённых до бешенства быках. Ковбой держится за седло одной рукой, а другую отводит в сторону и вверх – для равновесия. Огромный, чуть ли не с тонну, рогатый бычище с необычайной лёгкостью, словно танцуя, подбрасывает то передние, то задние копыта, пытаясь стряхнуть с себя наездника. Обычно хватает не более восьми секунд до того момента, как ковбой оказывается лежащим на арене.

Но Пушкин скорее всего родео по телевизору не смотрел и повёл себя совсем не похоже на быка. Он просто замотал сначала головой, а потом и всем туловищем – так, как обычно собаки отряхиваются после купания. Федя, который на мгновение вообразил себя американским ковбоем, не продержался и пары секунд. Он рухнул на твёрдый каменный пол, но тут же вскочил и снова заорал Пушкину: «Фу! Стоять! Сидеть!».

– Что это ещё за «фу»? Что ты орёшь? И вообще, ты кто такой? – услышал Федя в ответ.

Кто это говорит? Пушкин?!

Сейчас не было времени для того, чтобы найти и поднять отлетевшие в сторону очки. Поэтому Федя не сразу поверил в то, что нечётко увидели его глаза: рот Пушкина двигался вместе с произносимыми словами. Совсем чуть-чуть – не так явно, как рот говорящего человека.

Федя потёр ушибленную о кафель голову. Это что – галлюцинации? Из-за сотрясения мозга?

– Я Федя, твой хозяин. Ты что, не узнаёшь меня? – на всякий случай ответил он Пушкину. И добавил твёрдо: – Посиди, Пушкин. Ничего здесь не трогай. Пожалуйста!

Пушкин замер на секунду. Потом наклонил голову, обнюхал Федю и недовольно произнёс:

– Но там такая вкуснятина! Ты разве сам не чувствуешь запах?

– Всё равно не трогай. За это я дам тебе три больших чебурека.

– Точно дашь? Не забудешь? – недоверчиво протянул пёс. И тут же, отскочив назад, с размаху уселся на хвост. – Ты что, понимаешь меня, Федя? Ты понимаешь, что я говорю?

Федя воспользовался моментом и поднял с пола очки. Нацепив их на нос, пригляделся к Пушкину... На галлюцинацию тот не был похож. Такой, как всегда. Только его глаза, и без того огромные, как две чёрные консервированные оливки, ещё больше расширились и удивлённо смотрели на мальчика.

– Я слышу то, что ты говоришь, Пушкин. И прекрасно понимаю. А ты меня понимаешь? – нарочито медленно и внятно, произнёс Федя.

Пушкин вскочил на все четыре лапы, радостно пролаял три раза и облизал Федю с ног до головы. Теперь это было нетрудно сделать, так как хозяин был размером с чебурека.

– Я так рад, Федя! Я так рад! Я научился говорить! Наконец-то ты меня понимаешь! Почему ты раньше меня не понимал?! Не хотел, да? А теперь захотел? Мы теперь можем разговаривать? – захлёбываясь, тараторил Пушкин, пока Федя вытирал облизанное лицо и очки. Но Федя остановил пса, который только что обрёл дар человеческой речи:

– Пушечкин, милый, я тоже ужасно рад. Мы обязательно обо всем поболтаем. Только потом. Сейчас мне нужно найти моих друзей. Они ведь прибыли издалека – с чужой планеты.

– Да что их искать? Вон они, – обиженно произнёс Пушкин, указав лапкой туда, откуда его только что с таким трудом оттащил Федя.

Подбежав к летающей тарелке, Федя услышал голоса:

– Мы здесь, Федя! Скорей! Помоги нам!

В тёмном пространстве, образованном выступом летающей тарелки и стенкой балкона, лежали Чебурий и Тряпочкин. Они были связаны по рукам и ногам и сверху накрыты белой сетью, похожей на рыболовную. Федя узнал друзей по голосам, так как лиц под сеткой видно не было.

– Зачем вы меня уменьшили? – спросил Федя, стягивая сетку. – Из-за этого вас чуть не слопал Пушкин.

– Это не мы, Федя, – произнёс Чебурий. – Это вареники. Они напали на нас и отобрали дезинтегратор.

Тут в разговор вступил Тряпочкин.

– Федя. Пушкин прокусил мне плечо. Я его боюсь. Пусть он отойдёт подальше. – Голос Тряпочкина срывался. Чувствовалось, что он теряет силы. – Попроси, чтобы он лучше нашёл и съел вареников. Их штук пять или шесть.

Стоявший чуть позади Пушкин всё слышал. Он понимал, что провинился. Поэтому сразу бросился на поиски вареников. Активно работая носом, он обнюхал балкон и гостиную и уже через минуту бодро доложил: «Никого нет!». И уселся рядом, высунув в сторону язык и тяжело дыша, всем своим видом показывая готовность выполнить любое новое важное поручение.

– Наверное, сбежали сразу, как только уменьшили Федю, – предположил Чебурий.

Феде с трудом удалось стащить сеть, опутывавшую чебуреков. Тряпочкин был очень плох. Из прокушенного плеча хлестала кровь. Вернее, это была не кровь, а что-то вроде бульона. Вместе с Чебурием Федя усадил Тряпочкина повыше, чтобы ослабить бульонотечение, и с укоризной взглянул на Пушкина. Пёс виновато потупился. Но стоило хозяину отвернуться, как он, не удержался и жадно облизнулся, бросив исподлобья нетерпеливый взгляд на инопланетян, издающих такие аппетитные запахи.

Глава 3

Лёху тоже уменьшили

Ситуация была чрезвычайная. Тряпочкин нуждался в срочной медицинской помощи, но добраться до поликлиники или травматологического пункта было невозможно.

Что делать? Нужна помощь.

Федя сразу сообразил, что лучше всего позвонить Лёхе. Лёха – единственный, кто знает о чебуреках и варениках. Он придёт и отнесёт Тряпочкина в больницу... Федя ещё не задался вопросом, в какой такой больнице смогут помочь раненому чебуреку-инопланетянину с бульоном вместо крови, у которого на чужой планете нет ни прописки, ни медицинской карточки, ни страховки. Сейчас он понимал только одно: нужно срочно попасть в больницу.

Федя наизусть помнил номер Лёхиного домашнего телефона. Нужно срочно звонить... Звонить... Легко сказать – звонить. А как? Где телефонный аппарат? Если трубка радиотелефона на месте – на полке шкафа, её оттуда не достать...

К счастью, трубки на месте не оказалось – это Федя увидел сразу. Скорей всего она лежит там, где обычно – на широкой спинке кресла рядом с пультом от телевизора.

Чтобы увидеть спинку кресла, Феде пришлось отбежать

подальше – на противоположный конец комнаты. Да, трубка была там.

Федя позвал Пушкина и попросил его лечь. Пушкин хоть и не сразу понял, зачем это нужно, лёг на живот, позволив Феде забраться к себе на спину. Затем он осторожно подошёл к креслу. Федя не без труда перебрался с Пушкиновой спины на кресло и приступил к набору номера.

Телефонная трубка была размером с нынешнего Федю, поэтому нажимать на кнопки приходилось всей ладонью. Первая попытка набора не увенчалась успехом. Но со второго раза всё получилось, и в трубке послышались длинные гудки... Только бы Лёха был дома!..

Когда из трубки донеслось громкое и уверенное Лёхино «Алё!», Федя вдруг растерялся. Он не знал, с чего начать – слишком всё выглядело неправдоподобно.

– Лёха, Лёха! – запищал он в трубку как можно громче. – Это я, Федя. Только не бросай трубку!

– Что за шутки?! Кто это? – возмутился Лёха.

– Да я это, говорю же – Федя! Меня уменьшили ленивые вареники. Они опять объявились! И чебуреки прилетели – Чебурий и Тряпочкин – я тебе о них рассказывал. Тряпочкин ранен. Его нужно срочно в больницу. Приходи скорей!

Федя говорил сбивчиво, но теперь Лёха должен был понять, что это действительно он. Ведь о полёте на Ленивую планету никто, кроме них двоих, не знал.

– Так это не шутка? – раздался голос Лёхи после некото-

рой паузы. Он всё ещё сомневался.

– Приходи срочно. Сам всё увидишь, – подтвердил Федя.
– Вопрос жизни и смерти.

Федя нажал кнопку сброса звонка. Он был уверен, что Лёха придёт. Он всегда считал Лёху настоящим другом.

Не прошло и десяти минут, как раздался звонок, а вслед за ним и громкий голос Лёхи:

– Ну, где ты там? Что случилось?

Хорошо, что Федя по возвращении из школы не успел закрыть входную дверь на замок. Иначе Лёха не смог бы попасть в квартиру.

Федя бросился в коридор – навстречу другу.

Лёха шёл быстрым, энергичным шагом, не переставая повторять: «Ты где, Федя?». Увидев Лёху, Федя вдруг испугался, что тот не заметит его и раздавит. «Было бы очень обидно погибнуть под каблуком друга», – сообразил Федя и прижался к стене. Он уже хотел закричать и замахать руками, как вдруг произошло ужасное: Лёха сдулся...

Да-да! Сдулся! Феде раньше не приходилось видеть со стороны, как человек уменьшается до размеров чебурека. Теперь увидел... Именно так это и выглядело – сдулся, словно огромная надувная игрушка. Жуткое зрелище.

Лёху уменьшили впервые в жизни. От неожиданности он

потерял равновесие и упал на живот. Когда через мгновение он пришёл в себя и поднял голову, первое, что предстало перед его взором, были маленький Федя и огромный Пушкин.

Лёха резко отполз назад, в изумлении уставившись перед собой.

– Так это правда? – срывающимся голосом спросил он.

– Что правда? – воскликнул ещё более удивлённый Федя.

– Ты что, не верил мне всё это время?

Несмотря на непривычную ситуацию, Лёха быстро сообразил, что допустил оплошность и обидел друга.

– Ну что ты, я верил! Конечно, верил! – поспешил он исправить ситуацию.

Но Федя уже не слушал его. Он резко повернулся к своему гигантскому домашнему питомцу.

– Пушкин, – воскликнул он в гневе, – ты же сказал, что всё обыскал и обнюхал! Почему же ты не нашёл ленивых вареников?!

– А как они пахнут?

– Как обычные ленивые вареники. Варёным творогом...

Если только одеколоном не пользуются.

– Это то, что ты иногда по утрам кушаешь? Что мама готовит из творога?

– Ну да! Что же ещё?

– Фу! Я это искать не буду. Зачем мне такая гадость!

Федя даже рот открыл от возмущения.

– Ты что, Пушкин?! Тряпочкин умирает! Мы в огромной

беде. А ты думаешь только о еде!

– У нас беда, пропала еда, – зачем-то сказал Пушкин и со всех ног бросился по второму разу обнюхивать окрестности. Он сообразил, что снова провинился, и очень старался – пыхтел, как паровоз.

Не прошло и минуты, как он вернулся, обежав не только балкон, но и гостиную, и даже коридор, и бодро, по-военному доложил:

– Их теперь точно нет. Вот здесь они недавно стояли, – он указал на укромное место под журнальным столиком. Там спокойно могла укрыться хоть сотня ленивых вареников.

– А дальше я проследить не могу, – продолжал Пушкин, – они там что-то вредное насыпали, – и пёс, словно в подтверждение своих слов, заливисто чихнул, обрызгав Федю с ног до головы.

Лёха уже успел прийти в себя. Подбежав туда, куда указал Пушкин, он тоном опытного эксперта-криминалиста подтвердил:

– Да, это карри. Так всегда делают воры и грабители, чтобы сбить ищеек со следа. С этими варениками нужно держать ухо востро.

Федя с досадой взглянул на Пушкина.

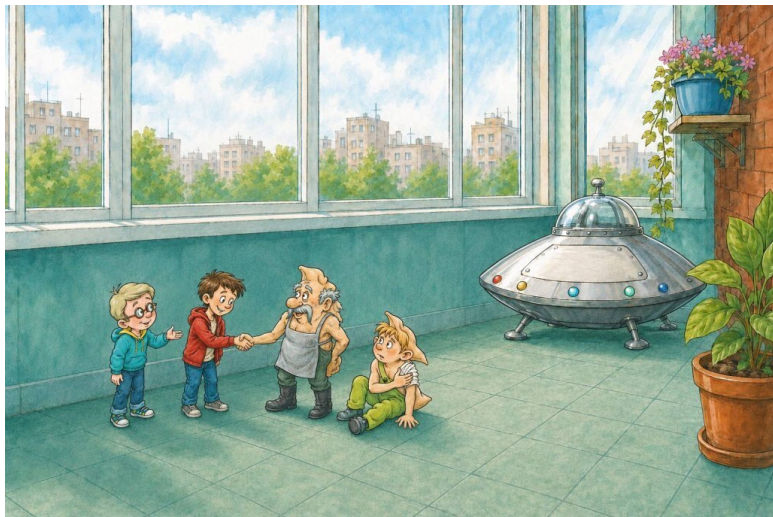
– Ну, что же ты, дружок! – обтираясь после Пушкинового чиха попенял он, – из-за тебя мы остались без помощи.

Пушкин снова виновато потупился.

– Я же не знал, как они пахнут, – пытался оправдаться он,

– и потом, эти твои друзья – от них такой запах – я просто ничего не соображаю.

На балконе Федя представил чебурекам своего друга:

– Знакомьтесь, это Лёха – Алексей, значит.

– Очень приятно, Лёха-Алексей, – ответил Чебурий.

Тряпочкин вместо приветствия что-то еле слышно про-
стонал.

После этого краткого знакомства начался общий мозговой штурм с целью выработать план спасения Тряпочкина.

Федя словно ожил. Глаза его горели. Мысли носились из одного угла мозга в другой. При этом не сталкивались, хотя их там появилось великое множество. Нужные решения молниеносно приходили к нему, будто сами собой. Вот она, настоящая жизнь! Опять искать выход из безвыходной ситуации, опять спасать друга из беды. Ух!!!

В целях безопасности обсуждение проводили на балконе – здесь точно не было вареников.

Во-первых, решили больше никому не звонить. Неизвестно, где сейчас находятся вареники. Возможно, спрятались неподалёку, готовые уменьшить любого, кто придёт на помощь.

Во-вторых, ни в какую больницу идти не следует. Федя вспомнил про свою любимую чебуречную. Там много лет работает отличный повар – дядя Гиви. Очень опытный. И Федю хорошо знает. Он точно сможет подобрать нужный состав теста и сделать трансплантацию.

Больше всего времени занял самый сложный вопрос – как добраться до чебуречной, и как дотащить туда слабеющего на глазах Тряпочкина. Но и этот вопрос удалось решить совместными усилиями.

Кстати, Пушкин в мозговом штурме не участвовал. Какой ему смысл участвовать в мозговом штурме, если в присутствии чебуреков он ничего не соображает. Ему было поручено

чено охранять.

Глава 4

Экстренная операция

Подготовка к походу в чебуречную заняла минут двадцать. Идти по улице чебуреки и уменьшенные Федя с Лёхой, естественно, не могли. К сожалению, у нас на улицах не замечают только бездомных собак и кошек. А вот на мальчиков высотой не более пятнадцати сантиметров, прогуливающих вместе с живыми чебуреками, наверняка обратили бы внимание. Поэтому все единодушно решили, что передвигаться по городу можно только верхом на Пушкине. Точнее, не верхом, а низОм, так как ехать на Пушкине нужно было незаметно.

Первым делом на Пушкина набросили сеть, которой были опутаны Чебурий и Тряпочкин. Спасибо вареникам! Их сеть весьма пригодилась. Под животом сеть стянули и связали кусками верёвки, которую без труда нашли на балконе.

Мы помним, что Пушкин относится к довольно редкой в наших краях породе – Вест Хайленд Уайт терьер. Короткое название этой породы – Вестик. Как правило все Вестики носят особую причёску. Спину им выстригают почти наголо. А живот не трогают – оставляют как есть. В результате у Вестиков образовывается длинная юбка из мягкой, пушистой шерсти. В этой юбке и решили спрятаться все четверо дру-

зей – словно в кустах, растущих сверху вниз.

Для Тряпочкина соорудили подобие гамака из кусочка бинта. А чтобы бульон не вытекал из раны, её временно залепили жвачкой. Все остальные пролезли между сетью и Пушкиновым пушистым животом. Последним разместился Федя. Перед этим он внимательно осмотрел Пушкина со всех сторон и расправил его шерсть, так чтобы она хорошо прятала путешественников. Затем Федя вскарабкался по сети на собачью спину и с помощью густой белой шевелюры прикрыл сеть. Хорошо, что со времени последней стрижки прошло уже больше двух месяцев. Сетку теперь можно было заметить только если очень внимательно присмотреться.

Пушкин, хоть и отнёсся к приготовлениям настороженно, но терпел и не спорил. Он был так рад, что научился говорить по-человечески, что всё остальное казалось ему не важным. Правда, разговаривал он пока мало – боялся, что Федя снова перестанет его понимать.

Ветер шумел в мохнатых ушах Пушкина, заглушая команды, доносившиеся из-под живота.

Чтобы поменьше попадаться на глаза прохожим, бежать старались по дворам и маленьким улочкам.

– На углу поворачивай направо! – кричал Федя, и Пушкин мчался направо.

– Теперь беги прямо до второго поворота! – и Пушкин ещё быстрее нёсся вперёд.

– Ну что ты по луже топаешь? – возмущался Федя, вытирая воду с лица.

– Ты велел бежать прямо, – простодушно отвечал пёс.

Нужно сказать, что Пушкин не имел привычки обходить лужи. Он на них просто не обращал внимания.

Как видим, пассажирам приходилось несладко. Скачки под животом у собаки – это вам не езда на комфортабельном автомобиле. Сетка больно врезается в бока, пыль слепит глаза. Один раз Лёха сильно ушибся, когда Пушкин запрыгивал на бордюр. Лёха так прокомментировал эту неприятность: «Клиренс у Пушкина маловат, чтобы по бордюрам скакать». А Федя попросил Пушкина преодолевать препятствия осторожно, чтобы никого не покалечить...

К чебуречной подошли с чёрного хода. Пушкин спрятался за мусорным баком, чтобы все смогли выбраться из-под сетки и спуститься на землю. Тряпочкин был очень плох. Он так ослабел, что не мог самостоятельно держаться на ногах. Лёха и Чебурий поддерживали его с двух сторон. Было понятно, что если дядя Гиви не сможет помочь, то до больницы Тряпочкин уже не дотянет. Надежда была только на повара. Лишь бы он был на месте!

Ждать пришлось недолго. Какой-то работник вышел с мусорным ведром на улицу, и наши герои проскользнули в дверь, прячась за Пушкиным.

На кухне все пятеро сразу укрылись под большим рабочим столом. Повар дядя Гиви, одетый в белый халат и фартук, работал один. Его помощник только что вышел на улицу выбросить мусор и заодно отдохнуть. Это благодаря ему друзья смогли войти в чебуречную.

Убедившись, что на кухне больше никого нет, Федя и Лёха вышли из-под стола, закричали и принялись размахивать руками. Нетрудно вообразить себе реакцию повара. Взглянув в сторону кричавших, дядя Гиви сначала отвернулся – не поверил увиденному. Но тут же посмотрел снова. Глаза его расширились от удивления, нижняя челюсть отвисла. С полминуты он стоял без движения, не в силах понять, что это за странные существа.

Федя и Лёха продолжали кричать, и главный повар, наконец, стал разбирать их слова:

– Дядя Гиви, дядя Гиви! Помогите нам! Мы в беде!

Дядя Гиви с опаской присел на корточки.

– Вы кто? – нерешительно спросил он.

– Дядя Гиви, мы обычные мальчики, я часто бываю в вашей чебуречной, – скороговоркой объяснил Федя, – нас уменьшили инопланетяне. И наш друг в большой беде, он ранен. Только вы можете его спасти. Помогите нам! Пожалуйста!

Как бы странно ни выглядели маленькие человечки, но они нуждались в срочной помощи. От этого дядя Гиви сразу стал решительным и сосредоточенным.

– Где же этот ваш друг, и чем я могу ему помочь?

– Вот он, – указал Федя под стол.

Первым повар заметил Пушкина, который жадно водил носом во все стороны и, похоже, мог сойти с ума от запахов, наполнявших чебуречную.

– Это ваш друг? – уточнил повар. – Готов поспорить, что ему нужен чебурек. Это его от любой беды спасёт.

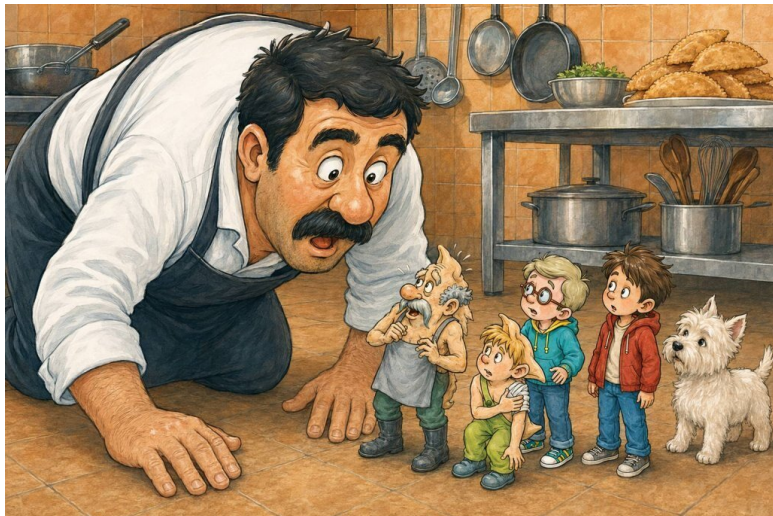
– Нет, это не он, – возразил Федя. – Тряпочкин, Чебурий, хватит прятаться, выходите.

Оба инопланетянина, испуганно озираясь, вышли из-за широкой Пушкиновой спины.

– Да это же... Это же... Это... – заикаясь пробормотал дядя Гиви, восхищённо рассматривая чебуреков.

Как профессионал он сразу узнал, кто это такие. Но всё ещё не мог поверить своим глазам. Живые чебуреки – это гораздо более удивительное зрелище, чем мальчики-лилипуты.

– Это чебуреки!? – наконец смог выговорить повар и стал на четвереньки, чтобы лучше разглядеть инопланетян.

И тут дядя Гиви заметил, в каком плачевном состоянии находится Тряпочкин. Больше объяснять ничего не пришлось. Дядя Гиви осторожно взял Тряпочкина в руки и бегло осмотрел рану. Потом встал и решительно направился в маленькое подсобное помещение, в котором хранились мешки с мукой и другие материалы, необходимые для производства чебуреков. Дядя Гиви не хотел, чтобы кто-то мешал ему во время операции.

Белые кафельные стены, яркая лампа, блестящий металлический рабочий стол – всё это напоминало операционную в больнице. А повар в белом халате и шапочке был похож на доктора.

Обмякший Тряпочкин сидел на белоснежном полотенце, расстеленном на столе. Остальные поддерживали раненого. Рядом уже лежали инструменты – пара ножей, вилка, ложка, что-то ещё.

У Тряпочкина не было сил для того, чтобы бояться предстоящей операции. За него боялся Чебурий. И за себя тоже боялся. Операционная, расположенная в доме, где едят чебуреков – это было слишком для мягкого Чебурия. Он в любой момент готов был свалиться в обморок.

Пару минут дядя Гиви молча изучал рану. В подсобке висела нервная тишина...

Первым её нарушил Пушкин.

– Федя, – тихо и жалобно простонал он, – ты же обещал. Забыл, да?

– Что обещал? Что забыл? – переспросил Федя, подбежав к краю стола и свесившись вниз.

– Как что? Три чебурека!!!

Федя возмутился такой бестактностью.

– Ты что, Пушкин!? Друг умирает, а ты со своими чебуреками!

– А я разве не твой друг? Разве я не умираю без трёх чебуреков? – простонал Пушкин.

– Чего он скулит? – вмешался дядя Гиви. Его отвлѣк этот странный разговор, из которого он понимал только половину. – Чебурек хочет? Так я и понял. Этого друга я сразу раскусил – в какой он беде.

Дядя Гиви принѣс из кухни и, предварительно подстелив салфетку, положил перед Пушкиным целых два только что приготовленных ароматных чебурека. Пушкин был счастлив. Больше он никому не мешал и никого не отвлекал. Вот только Чебурий, слыша смачное чавканье четвероногого землянина, время от времени хватался за сердце и тяжело вздыхал.

Дядя Гиви долго не решался начать.

– Что же Вы медлите? – нетерпеливо спросил Федя.

– Я не знаю рецепт теста, из которого состоит тело твоего друга. Без этого невозможно подобрать материал для трансплантации. Если применить не то тесто, может не прижиться.

Такого поворота событий никто не ожидал.

– Что же делать? – одновременно воскликнули Федя и Лѣха.

– В лабораторию нужно отнести – на химический анализ.

– Да вы что, дядя Гиви! Какая лаборатория?! Тряпочкин почти без сознания! Неужели ничего нельзя сделать?

Все, кроме Тряпочкина, в отчаянии смотрели на повара. Тряпочкин уже никуда не смотрел. Голова его бессильно склонилась на бок, глаза были полузакрыты. Он потерял сознание.

Дядя Гиви морщился и нервно тёр ладонью лицо и шею. Видно было, что он что-то придумал, но не решается предложить.

Наконец он решился.

– Есть способ... Только не знаю, удобно ли, – нерешительно произнёс он.

– Говорите скорей! – воскликнули все разом.

– Мне надо отрезать от Тряпочкина кусочек и попробовать на вкус. По вкусу я разберу состав теста... Надеюсь, что разберу.

Федя и Лёха с таким вниманием и нетерпением глядели на повара, что даже не заметили, как Чебурий с глухим ударом упал в обморок – слова повара сразили его наповал.

Федя молчал в растерянности. А вот Лёха нашёл, что сказать.

– Акт каннибализма во имя спасения – здесь нет ничего страшного. В нашем случае цель вполне оправдывает средства, – спокойно и, как всегда, значительно произнёс он.

Дядя Гиви с уважением взглянул на Лёху. Не слишком приятные слова крошечного мальчика успокоили его, и он приступил к операции.

Стоило дяде Гиви несколько секунд пожевать кусочек живой ткани, отрезанной у раненого от гребешка, как его густые седые брови поползли вверх от удивления, а рот расплылся в довольной улыбке.

– Да это же обычное тесто! И рецепт прекрасный! Это как раз то, что мы сейчас месим – наш рецепт.

– Значит, всё будет в порядке? – обрадовались ребята.

– Конечно. Мне даже не придётся замешивать новое тесто, – ответил довольный повар.

Дядя Гиви принёс из кухни большой ком теста и один свежеприготовленный чебурек. Первым делом он прорезал отверстие в готовом чебуреке для того, чтобы сцедить мясной бульон в столовую ложку, а затем залить его Тряпочкину прямо через рану. Оставшийся чебурек был передан Пушкину, который воспринял новый подарок как должное – ведь Федя обещал ему три чебурека.

Завершив переливание крови (то есть мясного бульона), повар старательно раскатал свежее тесто на столе и слепил чебурек, очень похожий по форме и размеру на Тряпочкина. От плеча двойника аккуратно отрезал кусок для трансплантации и, приставив его к прокушенному Пушкиным месту, осторожно разгладил пальцем. Трансплантат сидел как влитой. Вот, что значит настоящий профессионал.

Впрочем, это было ещё не всё. Сырое тесто не может за-

менить ткань чебурека. Тесто необходимо пожарить в масле. Но как? Не опустишь же Тряпочкина целиком во фритюр с кипящим маслом! И не положишь на раскалённую сковородку!.. Повар нашёл способ проще и безопасней. Он набрал кипящего масла из фритюра в чашку и этим маслом аккуратно поливал трансплантат, доведя его таким образом до полной кулинарной готовности. В результате трансплантат прирос так, что даже шва не было видно. От раны не осталось и следа.

Операция была завершена, но дядя Гиви на этом не остановился. Необходимо было реставрировать пробный кусочек ткани, отрезанный от гребешка в области затылка – тот, который дядя Гиви вынужден был съесть. Это не заняло много времени. Со второй операцией повар справился за пару минут. Дяде Гиви так понравилось работать хирургом, он так вошёл во вкус, что не просто восстановил ткань, как было, но и придав гребешку форму изысканной завитушки.

Нужно сказать, что позже идея дяди Гиви привела в оборот не только Тряпочкина, но и многих чебуреков и вареников на Ленивой планете. Именно с этого там пошла мода на пластические операции... Но об этом мы узнаем как-нибудь потом...

Тряпочкин и Чебурий одновременно пришли в себя –

один после операции, другой после глубокого обморока. Оба несказанно обрадовались тому, что операция удачно завершена. Они даже обменялись несколькими словами с дядей Гиви, который в их глазах был теперь не поваром-злодеем, как раньше, а добрым врачом-хирургом.

Тем временем Федя и Лёха отошли в сторону и вкратце обсудили ситуацию. Мальчики считали, что следует как можно скорее покинуть чебуречную и вернуться домой. Дядя Гиви – очень хороший и порядочный. Это не вызывает сомнений. Но никогда точно не знаешь, как поведёт себя человек, впервые в жизни столкнувшийся с инопланетными существами. Может быть, он захочет вызвать корреспондентов или показать инопланетян знакомым... Рисковать нельзя. Мальчики решили незаметно улизнуть при первой же возможности, тем более что Тряпочкину уже стало значительно лучше – он даже смог встать и подвигать вверх-вниз вылеченной рукой.

Глава 5

Дорога домой

Завершив операцию, дядя Гиви забеспокоился о том, как идут дела на кухне, где остался его единственный помощник. Справляется ли он с большим наплывом посетителей чебуречной – обычным для этого времени дня?

Пообещав вернуться через несколько минут, дядя Гиви вышел из подсобки.

Медлить было нельзя.

– Чебурий, Тряпочкин, уходим! – приглушенным голосом позвал Федя и с разбегу прыгнул на мешок с мукой, лежавший на поддоне рядом со столом.

– Как, уходим? – удивился Чебурий, а попрощаться?

– Так нужно, – успокоил его Лёха, – мы потом обязательно попрощаемся, а сейчас лучше побыстрее исчезнуть.

Оба чебурека, с одной стороны, считали, что невежливо покидать повара-хирурга, не поблагодарив и не попрощавшись. С другой стороны, были не прочь оказаться подальше от чебуречной. Поэтому тут же последовали примеру Феди. После них и Лёха спрыгнул со стола на мешок и по нему соскользнул на пол.

– Пушкин, нам пора! – позвали все вместе пса, который как раз только что дожевал второй чебурек.

Вид у Пушкина был вполне удовлетворённый. Ел он уже не так быстро и жадно, как несколько минут назад, но на зов друзей всё равно не обратил внимания.

– Пушкин, мы спешим, пошли! – зашипел Федя.

– Куда пошли! Ещё один остался, – невозмутимо возразил пёс, продолжая лежать и обнюхивать последний чебурек. Он никак не мог решить, с какой стороны лучше отгрызть первый кусок.

Время шло, в любой момент мог вернуться повар.

– Пушечкин, миленький, забирай чебурек с собой и пойдём, – взмолился Федя.

– Ну, если так, то ладно, – согласился Пушкин и встал на лапы.

Пушкина внимательно осмотрели. Сетка сбилась назад. Теперь уже не могло быть и речи о том, чтобы все четверо ехали на Пушкине. Времени поправлять сетку не оставалось, поэтому к Пушкину подвесили только ослабевшего Тряпочкина. Остальные решили двигаться своим ходом.

Пушкин носом приоткрыл дверь подсобки – ровно на столько, чтобы протиснуться самому и пронести недоеденный чебурек, торчащий изо рта.

От двери все метнулись под ближайший рабочий стол. Огляделись. В кухне было три двери: в подсобку, на улицу

и ещё одна – слегка приоткрытая – в неизвестном направлении. Перед дверью, которая вела на улицу, помощник повара подметал пол. Этот путь был закрыт. Не стоило пытаться проскользнуть мимо веника. Оставалось воспользоваться третьей дверью, которая вела в неизвестность.

Не вылезая из-под стола, все вместе добежали до этой двери, тихонько выскользнули из кухни... и оказались собственно в чебуречной – в зале, где посетители за столами все как один с огромным удовольствием поглощали чебуреки.

И снова всем пятерым пришлось спрятаться под столом. Только теперь их с четырёх сторон окружали четыре пары огромных ног. Это зрелище наводило ужас на Чебурия, который снова был готов упасть в обморок.

Тесный зал был полон посетителей. Гомон и суета вполне позволяли незаметно добраться до входной двери, перебегая от одного стола до другого. Только бежать нужно по более длинному пути – вдоль задней стены, чтобы не пересечься с очередью, тянущейся от двери к окошку выдачи чебуреков.

– Готовы? – спросил Федя, даже не приглушая голос – в этом шуме их точно никто не услышит.

– Готовы, – ответили все, кроме Пушкина, во рту которого до сих пор торчал недоеденный чебурек.

– Пошли! – скомандовал Федя, и друзья бросились к соседнему столу.

Пушкин ловко вилял между ногами посетителей, но не слишком спешил, давая возможность остальным бежать ря-

дом и прикрывая их своим телом.

Под вторым столом собрались и дальше двинулись опять по команде.

Так миновали ещё два стола и оказались, наконец, под последним – почти рядом со спасительной дверью на улицу.

Пока всё складывалось хорошо. Никто не обращал внимания на беглецов. Только однажды Лёха не смог увернуться от ноги посетителя, который стоял, высматривая пустой столик, а потом вдруг быстро пошёл к свободному месту. Нога двинулась в тот самый момент, когда Лёха пробежал мимо. И Лёха принял единственно верное решение – подскочил как можно выше и сверху лёг на огромный, размером с автомобиль, ботинок. Когда нога сделала один шаг, Лёха соскочил с ботинка и помчался дальше. Даже если посетитель что-то почувствовал, он не мог посмотреть вниз. В руках его был поднос.

Кажущаяся лёгкость, с которой беглецы миновали почти весь зал чебуречной, ослабила их внимание. Под последним столом они даже не перевели дух и не соизволили осмотреться. Федя только махнул рукой, и все бросились к двери. И никто из них не обратил внимания на то, что под столом в этот раз было не четыре пары ног, а только три с половиной. А одна недостающая нога неловко торчала в сторону от стола. Никто из них не заметил, что полная женщина в ярко-оранжевой жилетке дорожного рабочего уже зацепилась за торчащую в сторону ногу, и что поднос этой женщины вместе

со всем его содержимым уже летит вниз. В тот самый момент, когда беглецы выскочили из-под стола, поднос, тарелка с двумя чебуреками и стакан с компотом были уже на полпути к кафельному полу.

Аааааа! – в ужасе заорали Федя и Лёха, и их крик слился с воплем рассерженной тётеньки.

Мальчики вместе с Пушкиным опрометью бросились к двери. А Чебурий замешкался. Когда тарелка и стакан с ужасным грохотом рухнули прямо перед ним, разлетевшись на десятки мелких осколков, он даже закричать от страха не смог. Медленно пятясь, Чебурий снова оказался под столом. Один. В предобморочном состоянии. А рядом с ним лежал пышущий жаром чебурек из разбившейся тарелки...

Чебурий был ни жив ни мёртв. Неимоверным усилием воли он удержал сознание и заставил себя не упасть в обморок. Но сообразить, что делать дальше, и на что-то решиться он был не в силах. Так и стоял в растерянности.

Вдруг прямо перед Чебурием появилось красное человеческое лицо. Это посетитель, нога которого стала причиной переполоха, заглянул под стол в поисках упавшего чебурека.

– Здравствуйте, – неожиданно для себя вежливо поприветствовал Чебурий.

Посетитель ойкнул и в ужасе отлетел назад. Лёжа на опрокинутом стуле с задранными вверх ногами и указывая пальцем под стол, он сбивчиво объяснил обступившим его людям:

– Там... там... он в штанах... он там в штанах... И поздоровался. Вежливый такой!

– Кто там?! – не поняли окружающие.

– Чебурек! Живой чебурек!.. Он мне «Здрасьте» сказал.

Больше всего виновника беспорядка поразило то, что живой чебурек – вежливый. Не укусил за нос, а учтиво поздоровался.

– А что же ты испугался? – спросили его все, – чебурека никогда не видел?

– Непривычно как-то...

Дальнейший разговор Чебурий не услышал. Федя и Лёха, вернувшиеся на помощь другу, подхватили его под руки и выволокли на улицу.

Даже очутившись за пределами чебуречной, Чебурий не мог успокоиться.

– Нет-нет, сначала уйдём подальше, – взмолился он в ответ на предложение перевести дух за кучей строительных материалов рядом с чебуречной.

Пришлось отойти метров на сто. Там присели на молодую пушистую травку, укрывшись от прохожих в тени кустарника. Тряпочкин выбрался из сетки, предоставив Пушкину возможность лечь и отдать должное третьему чебуреку.

– Симпатичная чебуречная, правда? – не к месту произнёс Федя.

– Да, более жуткого места в жизни не видел, – согласился

Тряпочкин.

Даже тот факт, что его здесь спасли, не мог изменить мнение Тряпочкина о чебуречной.

Потом все внимательно осмотрели прооперированное плечо. Тряпочкин не только свободно шевелил рукой, но и поднял лежавшую рядом длинную палку. Чувствовал он себя прекрасно и уверял, что дальше может идти самостоятельно – без собачьей помощи.

Тем временем Пушкин завершал трапезу. Только что к нему подошёл довольно крупный бездомный пёс и начал о чём-то тихо торопливо говорить. Это был уже второй пёс, привлечённый запахом свежего чебурека. Первую дворнягу, просунувшую нос сквозь кусты, Пушкин отогнал коротким грозным рыком.

Пушкин и дворовый пёс с полминуты шептались так, что их беседа не была слышна, но неожиданно Пушкин заговорил громче, явно разозлившись.

– Слышь, ты! – сердито проговорил он, – посмотри на мой хвост. Ты видишь на нём дурацкое колечко (Пушкин явно намекал на завёрнутый колечком хвост, имеющийся у многих дворняг)? Не видишь? Вот и отвали. Не тебе меня учить.

– А кому тебя учить? – врасстяжку ответил дворовый пёс низким рокочущим баритоном. – Живёшь в каменной клетке, жизни настоящей не видишь. Послушай, что тебе бывалый пёс говорит.

Пушкин встал на все четыре лапы и грозно наклонил го-

лову вниз.

– Сам-то ты где живёшь? В моём туалете живёшь. Тоже мне – бывалый. Забирай остатки и уходи.

Пёс не стал больше спорить. Одним махом проглотив последний кусок чебурека, потрусил вниз по улице.

Федя с восхищением глядел на Пушкина. Он не ожидал от своего пушистого домашнего питомца такой смелости и решительности.

– Ну, ты даёшь, Пушкин! Круто ты с ним! – воскликнул он.

– А что? – ответил Пушкин. – Я против дворовых ничего не имею. Каждый из нас может когда-нибудь оказаться на улице... Но и мне не надо всякие глупости предлагать.

– Подожди, Пушкин, ты о чём? – возмутился Федя. – Как ты можешь попасть на улицу?! Что ты такое говоришь? Ты живёшь в крепкой, дружной семье. Тебя все любят.

– Половина дворников раньше жила в дружной семье, – возразил Пушкин. – И где сейчас эта семья? Всё в жизни бывает.

Федя не стал дальше спорить. В словах его любимца была правда – горькая правда.

– А что он хотел от тебя? – поинтересовался Тряпочкин, внимательно следивший за разговором.

Пушкин на секунду задумался, а затем ответил деланно равнодушно:

– Тебе лучше этого не знать, – и, отвернувшись, принялся

чесать ухо задней лапой.

Тряпочкин открыл было рот, чтобы всё-таки расспросить о содержании беседы с дворнягой, но его перебил Лёха.

– Пушкин, а ты почему чешешь лицо ногой? – задал он первый попавшийся вопрос только для того, чтобы сменить тему. – Ты ведь культурный пёс – говорящий. Должен вести себя прилично.

– У меня лапки неудобные, – простодушно ответил Пушкин. – Вот и чешусь задними.

На обратном пути Пушкин умудрился сцепиться ещё с одним псом. Похоже, только что съеденные два с половиной свежайших чебурека придали ему боевого духа.

На этот раз оппонентом Пушкина выступил не дворовый пёс, а домашний – пушистый голубовато-серый Хаски. Он справлял дела в кустах как раз в тот момент, когда мимо, скрываясь от людских глаз, пробегали наши герои.

Никто не понял, что именно послужило началу спора. Но все услышали громкое восклицание Пушкина:

– А, это ты, дрессированный!

– Да, дрессированный. Я знаю более тридцати команд, – гордо ответил Хаски.

– Команду «к ноге» знаешь? Это же надо! – съязвил Пушкин и громко скомандовал:

– К ноге!

Пёс дёрнулся, но, сообразив, что сейчас не время исполнять команду, остановился.

– Вот дуралей, – продолжал Пушкин. – Я тебя научу новым командам. Слушай и запоминай: к лапке, к хвосту, к шкафу. А твоя любимая команда, наверное, «Фу!»? Чтобы ты какашки на улице не подбирал (впрочем, я и сам это дело уважаю... Впрочем, я-то себя сдерживаю... Впрочем, не всегда...).

– Что ты там бормочешь? – спросил Федя, раздосадованный задержкой.

– А то и бормочу, что дрессированный – не значит умный. Я тебе это сто раз говорил, – ответил Пушкин и снова повернулся к дрессированному: – Ты, небось, и в выставках участвуешь?

– Конечно, – оживился тот, – у меня две медали за экстерьер.

– Вкусные?

– Кто?

– Медали.

– С виду ты, Пушкин, обычный домашний пёс, – снисходительно заявил Хаски. – А слушаешь твои глупые вопросы – дворник дворником.

– А ведь правда, – согласился Пушкин, – я только с виду домашний, а в душе – дворник. И на выставку меня никогда не затащишь. Представляю: повернись левым боком, повер-

нись правым, подними хвост, задери лапку. А вот тут, под мышкой, у вас не причёсано. Садись – два. Тьфу! Умрёшь со стыда!

Удовлетворённый беседой, Пушкин побежал дальше.

– Между прочим, я знаю эту собаку, – сообщил Лёха, задыхаясь от быстрой ходьбы рядом с Пушкиным. – Это бывший акробат из цирка – король воздуха.

– Ну, и что? Пушкин у нас тоже король воздуха, – гордо заявил Федя.

– Да? Тоже акробат? – с уважением взглянул на Пушкина Чебурий.

– Нет, не в этом дело, – сообщил Федя, отвернувшись от Пушкина, чтобы тот не слышал. – Просто он очень часто портит воздух.

Глава 6

Спасение космолёта

Других приключений по дороге домой не было. Самым трудным оказалось открыть двери – в подъезд и в квартиру. А для того чтобы подняться по лестнице на седьмой этаж, пришлось снова оседлать Пушкина. Пёс ворчал, но не спорил. Понимал, что без его помощи преодолеть высокие ступеньки почти невозможно. А воспользоваться лифтом они не могли – кнопки расположены слишком высоко...

Квартира встретила друзей тревожной тишиной. Часто говорят: «Мой дом – моя крепость». Но сейчас эта крепость таила в себе опасность. Где-то могли прятаться ленивые вареники во главе с коварным Генконсулом. Поэтому первым делом попросили Пушкина тщательно обыскать квартиру.

После трёх съеденных чебуреков Пушкин был сыт и доволен жизнью. Его уже не отвлекал запах Чебурия и Тряпочкина, и он решил изо всех сил постараться и так внимательно всё обнюхать, чтобы уж точно ни один вареник не остался незамеченным. Однако приступить к поискам пёс не успел. Его чуткий слух уловил подозрительное гудение, доносившееся со стороны балкона.

– Бежим на балкон! – прокричал Пушкин. – Там что-то не так!

Друзья бросились к балкону и общими усилиями отворили дверь.

Зрелище, которое открылось их глазам, заставило всех похолодеть от ужаса. Летающая тарелка, на которой прибыли Чебурий и Тряпочкин, взлетала. Она уже на несколько сантиметров приподнялась над полом и теперь совершала неловкие манёвры, двигаясь по ломаной траектории. Несомненно, космолётом завладели вареники. Они не были знакомы с этой моделью, поэтому сначала совершали пробный полет, не решаясь сразу направить космолёт в единственный открытый оконный проём, ширина которого ненамного превышает размеры летающей тарелки.

– Пушкин, прыгай на космолёт! Повали его на пол! – завопил Федя.

– Ты что, Федя?! – испуганно возразил Пушкин. – Послушай, как оно гудит! Это страшнее пылесоса!

В это время летающая тарелка начала набирать высоту, осторожно приближаясь к открытому проёму. Похоже, ленивые вареники через иллюминатор увидели Федю и его товарищей.

– Прыгай, Пушечкин, пожалуйста! – взмолился Федя, не представляя, как повлиять на своего любимца. Он прекрасно знал, что, несмотря на бесшабашную смелость в отношениях с незнакомыми собаками, Пушкин до смерти боится всего, что гудит или стреляет.

Ещё секунда, и всё будет потеряно. Двое мальчиков навсе-

гда останутся крошечными лилипутиками, а двое чебуреков лишатся возможности вернуться домой...

И вдруг Федю словно озарило. Откуда-то из подсознания выплыли те единственные слова, которые смогли заставить Пушкина совершить невозможное.

– Пушкин, если ты не остановишь космолёт, ты больше никогда не сможешь со мной разговаривать! – твёрдо произнёс Федя.

– Правда? – проскулил пёс, тоскливо взглянув на Федю. И тут же ринулся вперёд, отбросив страх и сомнения.

В два прыжка он оказался под взлетающим космолётом. Третий прыжок подбросил Пушкина на фантастическую высоту – выше уровня балконных перил. Передним лапами он изо всех сил ударил по летающей тарелке, перевернув её в воздухе вверх дном.

Тарелка полетела в сторону и вниз, стукнулась об стенку и с грохотом рухнула на пол. Пушкин едва успел отскочить от неё. Через секунду раздались два громких хлопка, внутри космолёта что-то прерывисто заурчало, и двигатель заглох. На балконе воцарилась тишина...

Вареников было шестеро. Они по одному выбирались из перевёрнутой летающей тарелки и становились вдоль стены, виновато потупившись и почему-то с поднятыми руками.

Последним появился Генконсул. Он совсем не изменился. Увидев его, Федя, неожиданно для себя, обрадовался. Вид этого важного вареника живо напомнил ему события полугодовой давности, когда он впервые в жизни увидел настоящую летающую тарелку и отправился в космос.

– Здравствуйте, господин Генеральный консул, – радостно поприветствовал Федя. – Знакомьтесь, это мои друзья: Чебурий, Тряпочкин, Алексей и Пушкин.

– Ну, этого я, пожалуй, знаю, – буркнул Генконсул, мотнув головой в сторону Пушкина. – И этого умника видел пару раз, – добавил он, взглянув исподлобья на Лёху.

– А зачем вы подняли руки, – спросил Федя, – вы же не военнопленные.

– Нет, не пленные? – переспросил Генконсул. – Так мы пойдём, пожалуй? Очень рад был встрече. Чрезвычайно рад. До свиданья, Феденька.

Вареники повернулись к выходу, собираясь уйти, но на их пути уже стоял Пушкин с выразительным оскалом на морде.

– Они уходят? – уточнил он.

Федя оторопел от наглости Генконсула и даже не сразу нашёл, что ответить.

– Куда же вы пойдёте? – наконец спросил он. – Вы вообще где живете?

– Ой, Феденька, какая у нас жизнь? Всё на перекладных, живём, где придётся. Дипломатическая служба, знаешь ли, – не сахар.

– Ну, тогда оставайтесь здесь. Поживите пока с нами. А потом отправляйтесь домой – на Ленивую.

Мысль отправить ленивых вареников на родину только сейчас пришла в голову Феде, и он вопросительно взглянул на Чебурия.

– Вы сможете забрать их с собой?

Конечно, перспектива лететь на одном космолёте с варениками не слишком понравилась Чебурию, но он понял, что это необходимо.

– Да, отвезём, конечно.

– Что ты, Феденька, нам нельзя улетать, – возмущённо возразил Генконсул. – Мы же здесь на государственной службе.

– А мы вас депортируем, – вступил в разговор Лёха. – Депортируем за деятельность, не совместимую с дипломатическим статусом.

Лёха был в своём репертуаре. Сказал не слишком ясно, но убедительно. Генконсул понял, что с этим не поспоришь и попытался применить другой аргумент.

– Да мы и не против улететь. Мы бы уже давно улетели, но здоровье не позволяет. Перегрузок не выдержим.

– Вы же только что собирались улететь, – возмутился Федя.

– Что ты, Феденька! Куда улететь? Мы только покататься хотели. А в космос – ни-ни. Там эта проклятая невесомость. Меня от неё ужасно тошнит.

– Глупости! – перебил Генконсула Чебурий. – Взлетим не спеша – без перегрузок. Сейчас в космос летают и малые дети, и старики. Никаких проблем.

– Кстати, а где этот ваш дезинтегратор? – взволнованно спросил Лёха.

– Здесь он! Нашёл, – раздался ответ Тряпочкина, который как раз вылезал из перевёрнутой летающей тарелки...

– Ну, вот и отлично! – успокоенно выдохнул Лёха.

– Не так уж всё и отлично, – ответил Тряпочкин, и в его голосе слышалась тревога. – Космолёт повреждён. Похоже, двигатель и что-то с системой управления. Нужно разбираться...

Федин папа, талантливый инженер, очень любит беспорядок.

Вы спросите: как такое может быть? Инженер, да ещё и талантливый, и вдруг – беспорядок.

В таком случае нужно уточнить. Он любит рабочий беспорядок. Не простой, а именно рабочий.

Вот как папа объясняет суть этого понятия.

– Представьте себе книжку, которая лежит под кроватью, – говорит он. – Это порядок? Конечно, нет. Это беспорядок! А если книжка лежит в ванной под стиральной машиной – это порядок? Нет, опять беспорядок. А если она стоит на сво-

ём законном месте – в книжном шкафу, это что? Ну, это, конечно, порядок.

Теперь предположим, что я лёг вечером в кровать и захотел почитать книжку. Да-да. Я пришёл с работы, переделал дома кучу дел, помог сыну с уроками, погулял с собакой и, наконец-то, усталый, добрался до кровати. Сейчас читаю, расслаблюсь и усну до утра. Ничто так не помогает уснуть, как увлекательная книжка... Я опускаю руку вниз, нащупываю книжку под кроватью и уже через секунду погружаюсь в чтение... Прекрасное окончание трудового дня! И вот он – отличный образец рабочего или, другими словами, полезного беспорядка.

А что, если книжки нет под кроватью? Я протягиваю руку вниз. Щуп-щуп – щупаю. Нет книжки! Где же она? В книжном шкафу? Ну, конечно! У меня ведь в квартире порядок! Мне что, теперь вставать?! Идти искать нужную книжку среди десятков других?! Но я уже лежу. Мне лень вставать! Я не нуждаюсь в таком порядке!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.